

жели о томъ, что бы могло быть. Написанное Батюшковымъ, какъ мы уже сказали, — далеко ниже обнаруженнаго имъ таланта, далеко не выполняется возбужденныхъ имъ же самимъ ожиданій и требованій. Неопредѣленность, нерѣшительность, неоконченность и невыдержанность борются въ его поэзіи съ опредѣленностью, рѣшительностью и выдержанностью. Прочтите его превосходную элегію «На развалинахъ замка въ Швеціи»: какъ все въ ней выдержано, полно, окончено! Какой роскошный и вмѣстѣ съ тѣмъ упругій, крѣпкій стихъ!

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань, и стрѣлъ пернатыхъ
Броню завѣтну, мечъ тяжелый [пукъ,
Онъ юношѣ вручалъ израненой рукой,
Игромко восклицалъ, поднявъ дрожавшія длани:
«Тебѣ онъ обреченъ, о богъ, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

„А ты, мой сынъ, клянись мечомъ твоихъ
И Геллы клятвою кровавой, [отцовъ,
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ,
Иль пасть, какъ предки пали, съ славою!“
И пылкій юноша мечъ правдѣ лобзалъ
И къ персямъ прижималъ родительскія длани,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ!

Война, война врагамъ отеческой земли!
Суда на утро восшумѣли,
Запѣвились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли!
Въ долинахъ Нейстрии раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гелла день и ночь въ Валгаллу провожаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша! спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной;
Ужъ вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ
Герой, побѣдою избранный. [судамъ,
Ужъ скальды пиршества готовятъ на холмахъ,
Ужъ дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ свер-
каетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь, въ мирной пристани, съ денницей золо-
Тебя невѣста ожидаетъ, [той
Къ тебѣ, о юноша, слезами и мольбой,
Боговъ на милость преклоняетъ...
Но вотъ, въ туманъ тамъ, какъ стая лебедей,
Вплывъ корабли, несомые волнами;
О вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
Въ вѣтрила кораблей!

Суда у береговъ, на нихъ уже герой
Съ добычей женъ иноплемennыхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою *младой**)
И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ безмолвствуя въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ.

*) Поэтъ нашего времени вмѣсто „съ невѣстою *младой*“ сказалъ бы: „съ невѣстою *молодой*“, — и оно, разумѣется, было бы лучше; но во время Батюшкова болѣшую полагали красоту въ славянизмъ словъ считая его особенно приличнымъ для такъ-называемаго „высокаго слога“.

Не такова другая элегія Батюшкова — «Тѣнь Друга»; начало ея превосходно:

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ званье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ ва-
Все сладкую задумчивость питало. [ловъ,
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.

Повторимъ уже сказанное нами разъ: послѣ такихъ стиховъ нашей поэзіи надобно было или остановиться на одномъ мѣстѣ, или, развиваясь далѣе, выражаться въ Пушкинскихъ стихахъ; такъ естественъ переходъ отъ стиха Батюшкова къ стиху Пушкина. Но окончаніе элегіи «Тѣнь Друга» не соответствуетъ началу: отъ стиха —

И вдругъ... то былъ ли сонъ? предсталъ товарищъ мнѣ,

начинается громкая декламация, гдѣ не замѣтно ни одного истиннаго, свѣжаго чувства и ничто не протрясаетъ сердца внезапно охлажденнаго и постепенно утомляемаго читателя, особенно, если онъ читаетъ эту элегію вслухъ.

Этимъ же недостаткомъ невыдержанности отличается и знаменитая его элегія «Умирающій Тассъ». Начало ея отъ стиха: «Какое торжество готовить древній Римъ?» до стиха: «Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!» — превосходно; слѣдующіе затѣмъ двѣнадцать стиховъ тоже прекрасны; но отъ стиха: «Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ» начинаются риторика и декламация, хотя мѣстами и съ проблесками глубокаго чувства и истинной поэзіи. Чудесны эти стихи:

И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный *) костями гражданъ вселенной,
Вась, вась привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ мѣстъ

Безвременной кончинѣ обреченный!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;
И лавры славные надъ дряхлой головою
Не усадятъ пѣвца свирѣпой доли.

Но что такое, если не пустое разглагольство, не надутая риторика и не трескающая декламация — вотъ эти стихи?

Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія,
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ!

*) Эпитетъ „засѣянный костями“ не точенъ въ отношеніи къ Тибру: это можно было сказать только о холмахъ, на которыхъ построенъ Римъ, или о землѣ Италіи вообще.